

DOI 10.15826/izv2.2018.20.2.030
УДК 821.111-311.8 + 910.4(410:477.75) +
+ 94(477.75)“17”

Н. И. Храпунов

*Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского
Симферополь, Россия*

Н. В. Гинькут

*Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Херсонес Таврический»
Севастополь, Россия*

ВИЗИТ ЗНАТНОЙ ДАМЫ: ЭЛИЗАБЕТ КРЕЙВЕН И ЕЕ ОПИСАНИЕ КРЫМА*

В статье анализируются путевые заметки Элизабет Крейвен — один из самых цитируемых исследователями британских травелогов конца XVIII в. Этот авантюрный роман в письмах, который сегодня считают едва ли не эталоном «дамского путешествия», призван был показать триумф очаровательной и бесстрашной путешественницы в краях, где варварство смешивается с цивилизацией. Книга имела шумный успех, ее использовали и с ней полемизировали современники и потомки. Важное место в записках занимает Крым. Показано, что письма Крейвен были существенно переработаны, а некоторые из них вообще написаны уже после возвращения из поездки. Опровергнуто принятое в отечественной историографии утверждение, что Крейвен была агентом, собиравшим конфиденциальные сведения по заданию секретной службы одной из зарубежных стран. В отличие от большинства травелогов, Крейвен концентрирует внимание читателя на собственной фигуре, тогда как экзотические страны стали лишь декорациями, выгодно оттеняющими образ путешественницы. Показано, как избранная писательницей роль определила авторскую стратегию, принципы отбора и изложения материала. Выявлены символы, с помощью которых Крейвен подчеркивала свою «английскость» в «нецивилизованном» окружении. Продemonстрировано, что в фактическом плане письма Крейвен мало что сообщают о Крыме — зато содержат массу стереотипов, характерных для взглядов западноевропейцев эпохи Просвещения. Этим обстоятельством определяется место сочинения Крейвен в ряду других записок иностранцев о Крымском полуострове. И с точки зрения избранной формы, и содержательно травелог Крейвен напоминает полные фантазий письма принца Шарля де Линя. Наконец, раскрыто представление англичанки об «иерархии цивилизаций», в которой доминирует европейская культура, на нижнем уровне находятся мусульмане, России же отведено место посередине и роль прилежного ученика у европейцев.

К л ю ч е в ы е с л о в а: записки путешественников; Элизабет Крейвен; Крым; русско-британские связи; историческая имагология; межнациональные стереотипы.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00053 «Крым в восприятии англичан конца XVIII — начала XIX в.».

© Храпунов Н. И., Гинькут Н. В., 2018

Ц и т и р о в а н и е: Храпунов Н. И., Гинькут Н. В. Визит знатной дамы: Элизабет Крейвен и ее описание Крыма // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2018. Т. 20. № 2 (175). С. 122–136.

Поступила в редакцию 14.02.2018

Принята к печати 18.04.2018

Nikita I. Khrapunov

*V. I. Vernadsky Crimean Federal University
Simferopol, Russia*

Natalia V. Ginkut

*State Historical and Archaeological Museum Preserve
of Tauric Chersonese
Sevastopol, Russia*

THE VISIT OF A NOBLE LADY: ELIZABETH CRAVEN AND HER ACCOUNT OF THE CRIMEA

This paper analyses a book by Elizabeth Craven, one of the most cited English travelogues of the late 18th century. Today, this epistolary adventure story is considered almost a standard of women's travelogue. The novel demonstrates the triumph of a charming and brave traveller in the land where barbarianism is mixed with civilization. This book brought resounding success, it was referred to and argued over by contemporaries, and so it is by modern researchers. The Crimea plays an important role in the volume. The authors prove that the letters by Craven underwent considerable editing and some of them were written after her return from the trip. The authors confute the assertion of Russian-speaking scholarship that Craven was an agent who collected confidential information ordered by the secret service of a foreign country. By contrast to most travelogues, Craven draws her readers' attention on her own figure, making exotic countries nothing but scenery helping the image of the traveller stand out. The analysis demonstrates how the role chosen by the writer determines the author's strategy, and her principles of collection and presentation of materials. The authors single out the symbols used by Craven to show her "Englishness" in an "uncivilised" environment. Additionally, they demonstrate that as regards facts, Craven's letters add little to the facts about the Crimea, but contain a great number of stereotypes created by the Westerners in the Age of the Enlightenment. This is the factor determining the place of Craven's book among other foreign travelogues about the Crimean peninsula. Both from the point of view of its form and content, Craven's travelogue resembles letters by Charles de Ligne, which were full of fantasies. Finally, the article shows the author's "hierarchy of civilization" where European culture predominates, with Muslims standing at the lowest level, and Russia occupying an intermediary position and playing the role of a good apprentice of Europeans.

Key words: travelogues; Elizabeth Craven; Crimea; Russia-Britain connections; historical imagery; international stereotypes.

Acknowledgements

This research is supported by the *Russian Foundation for Basic Research*, research project 18-09-00053 “The Crimea as Viewed by the English in the Late Eighteenth and Early Nineteenth Centuries”.

Citation: Khrapunov, N. I., & Ginkut, N. V. (2018). Vizit znatnoi damy: Elizabet Kreiven i ee opisanie Kryma [The Visit of a Noble Lady: Elizabeth Craven and Her Account of the Crimea]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 20, 2 (175), 122–136.

Submitted on 14 February, 2018

Accepted on 18 April, 2018

Леди Элизабет Крейвен¹ (1750–1828) — одна из самых известных и одновременно противоречивых фигур в ряду путешественников XVIII в., отправившихся на восток Европы и, в частности, в Крым. Урожденная графиня Беркли, она происходила из знатного английского рода, приходясь праправнучкой королю Карлу II. Прославили ее амурные приключения, склонность к авантюрам и литературная деятельность [см.: Broadley, Melville, p. xiii–cxxxvi; Cross, p. 356, 358–360, Вульф, с. 190–199, 231, 233; O’Loughlin; Palma; Gasper]. В 16 лет Элизабет выдали замуж за барона Уильяма Крейвена. В браке родилось семеро детей, но графиня не была верной женой. В мемуарах же она обвинила в изменах самого барона. В конце концов, супруги решили разъехаться, причем обстоятельства скандального расставания попали в светскую хронику. Леди Крейвен убыла во Францию, откуда и началось ее знаменитое путешествие. Помимо любопытства и жажды экзотики, она хотела избежать слухов о супружеской неверности, которые достигли Парижа. К тому же англичанка собиралась выйти замуж за очередного возлюбленного — маркграфа Кристиана-Фридриха-Карла-Александра Бранденбург-Ансбахского (1736–1806). Проблема заключалась в том, что они оба состояли в браке, и нужно было чем-то занять себя, дожидаясь момента, когда время освободит пару от законных супругов.

В 1785–1786 гг. Крейвен отправилась в Италию, оттуда — в Австрию и Польшу, затем в Петербург. Посетив Москву, она добралась до Крыма, на корабле переправилась в Константинополь, а оттуда через Болгарию и Валахию поехала в Вену. Крейвен издала отчет об этой поездке в форме писем, адресованных ее возлюбленному («Путешествие через Крым в Константинополь в серии писем достопочтенной леди Крейвен его светлости маркграфу Бранденбургскому, Ансбахскому и Байрейтскому, написанных в 1786 году»), которого в книге предпочла называть своим «братом», а себя — его «сестрой» [Craven, 1789]. Интересно, что спутником (и не только спутником) Крейвен в путешествии был другой мужчина — ее соотечественник Генри Вернон.

¹ В отечественной историографии встречаются разные варианты написания фамилии Craven, мы же используем вариант, соответствующий правилам современного русского языка [Рыбакин, с. 133].

Сочинение Крейвен представляет собой подборку из 48 писем. Через четверть века, когда маркграфа уже не было в живых, Крейвен издала более полный отчет о путешествии, получивший новое название («Письма достопочтенной леди Крейвен его светлости маркграфу Ансбахскому во время ее поездки через Францию, Германию и Россию в 1785 и 1786 гг.»), новое предисловие и дополнительные письма, так что всего их стало 109 [Craven, 1814]. Теперь в названии не было Крыма — очевидно, в 1789 г. автор рассчитывала воспользоваться читательским интересом к новому, неведомому публике владению России, а в 1814 г. полуостров уже был местом достаточно известным.

Существует предположение, что свои письма Крейвен писала, держа в уме будущую публикацию [Cross, p. 358]. Какие-то письма могли быть написаны уже после возвращения, на основе путевого дневника Крейвен [см. о нем: Broadley, Melville, p. li] и других источников. Так, в письме XXXV / LIV (Москва, 3 марта 1786 г.) приводятся различные сведения по истории Крыма [Craven, 1789, p. 143–151; 1814, p. 147–152]². Источником послужило сочинение шведского кабинетного автора Иоганна-Эриха Тунманна [ср.: Тунманн, с. 17–21] — вряд ли Крейвен возила его с собой.

Во введении к первому изданию автор не без кокетства сообщает, что публикация предпринята по просьбе друзей, заинтересовавшихся ее «долгим и необыкновенным путешествием». Кроме того, Крейвен желала таким оригинальным способом восстановить свою репутацию, рассказывая о действительно посещенных ею местах. Якобы некая самозванка, называвшая себя супругой барона Крейвена, ездила по Европе за несколько лет до того. Та же мысль появляется в предисловии ко второму изданию писем (p. ii–iii / iii–viii). Впрочем, нет никаких доказательств того, что самозванка не была плодом вымысла самой Крейвен.

Эпистолярная форма травелога была распространена в эпоху Просвещения, поскольку создавала у читателя впечатление особой достоверности. Образцом для Крейвен были «Письма из посольства в Турцию» леди Мери Уортли-Монтегю, супруги британского посланника в Константинополе (1716–1718), создавшей живую картину жизни Балканских провинций, а также нравов и быта общества столицы Османской империи [см. о них: Eisner, p. 64–66; Вульф, с. 80–87]. Это обстоятельство отметили современники [Review, p. 237]. Сама же Крейвен противопоставила себя своей соотечественнице: «Я убеждена не только в том, что леди Мери Уортли-Монтегю не писала этих писем, но и что большая их часть составлена *мужчиной*, имитировавшим изящество женского стиля, а факты в большинстве вымышлены...» [Craven, 1814, p. 289]. Итак, Крейвен претендовала на то, что ее травелог был первым дамским сочинением о Турции. Хотя современные исследователи не относятся к этим словам серьезно, они констатируют глубокие различия в интересах и замыслах, авторской стратегии и стиле у Уортли-Монтегю и Крейвен [Turner].

² Далее ссылки на источник приводятся внутри текста, в виде обозначения страниц в круглых скобках, сначала — по изданию 1789 г., через косую черту — по изданию 1814 г.

Существует гипотеза о том, что Крейвен была шпионкой, собиравшей стратегические сведения о Крыме по заданию британского правительства. Аргументами является ее интерес к русской армии, флоту и разного рода картам [Медведева, с. 170–179; Колупаев; Деремедведь, с. 11, 12–18]³. Но в Крыму, кроме российских военных, попросту не было других представителей света. В знаменитой монографии Л. Вульфа сделан вывод о том, что Крейвен искала впечатлений и вдохновения от малоизвестных мест, в итоге создав повесть о приключениях утонченной дамы в варварских краях [Вульф, с. 190–199]. Дж. Гаспер и Э. Пальма считают Крейвен феминисткой и человеком искусства, сильной женщиной, которая преодолела жизненные преграды морального и материального характера [Gasper; Palma].

В Крыму Крейвен провела около месяца весной 1786 г. Заметим, что в написанных на склоне лет мемуарах она почему-то вообще не упомянула Крым [Craven, 1914, p. 100–101]. Крейвен оказалась вторым британцем после Уильяма Тука, описавшим Крым в конце XVIII в. [Храпунов, 2018]. «Путешествие» перевели на нидерландский, французский и русский языки. Два русских перевода были сделаны с французского издания, что сказалось на их качестве [Крейвен; Калашников, с. 75–107].

Крымских писем всего семь (№ XXXVIII–XLIV, p. 160–195 / № LVII–LXIII, p. 160–182). По словам Крейвен, еще в Петербурге ее отговаривали от поездки: «Мне говорили, что воздух (в Крыму. — *Н. Х., Н. Г.*) нездоров, что вода ядовита, и что я, конечно, умру, если туда поеду» (p. 137/143). Возможно, Крейвен намеренно преувеличивала трудности поездки, чтобы показать свою смелость. Во втором издании книги появилось письмо, якобы отправленное из Петербурга, где англичанка описала беседу с неким соотечественником, который только что вернулся из Крыма. Он «посоветовал мне увидеть его (т. е. Крым. — *Н. Х., Н. Г.*) и уверил меня в том, что все те ужасы, которые русские пытались мне внушить, чтобы удержать от предполагаемого путешествия, вымышлены ими самими. Люди, ревнующие к Потемкину, как говорят, если смогут, не дадут императрице реализовать намерение его увидеть» (p. 314). По-видимому, речь идет об оппозиции южным проектам Григория Александровича Потемкина из круга Александра Романовича Воронцова, Михаила Михайловича Щербатова и др. [Елисеева, с. 229–233; Дружинина, с. 26, 261].

В этом же письме Крейвен отметила, что русские умны и восприимчивы, потому в перспективе способны усвоить достижения западной цивилизации. Представители русской знати, те, кто путешествовал по Европе, «настолько же утонченны и элегантны, как путешествовавшие французы» (но, заметим, не британцы!). Со временем Россия может занять подобающее место в Европе. Для полного успеха российскому правительству многое предстоит сделать — но сделать это возможно, ведь «страны подобны детям — неграмотное дитя

³ Трудно избежать ощущения, что очерк И. Н. Медведевой, в котором Крейвен оказалась одновременно английской, прусской и австрийской шпионкой, отчасти навеян атмосферой сталинского времени.

обучить гораздо легче, чем дитя испорченное» (р. 315). Таково было обычное отношение к России в эпоху Просвещения, когда ее считали молодой страной, учеником, готовым приобщиться к цивилизации Запада — но именно в силу этого иногда и угрозой [Нойманн, с. 111–125]. Разумеется, азиатские культуры стояли в этой иерархии ступенью ниже.

Крейвен получила приглашение отобедать у правителя Юга России в его петербургской резиденции. Разговора не получилось: «Если не считать предложения еды и питья, не могу сказать, что слышала звук его (Потемкина. — Н. Х., Н. Г.) голоса» (р. 128–129 / 137). Позднее правитель Таврической области Василий Васильевич Коховский, организовавший пребывание англичан в Крыму с объездом разных достопримечательных мест полуострова, утверждал, что действовал по указанию светлейшего князя [Коховский, с. 252, 253]. Таким образом, Крейвен явно преувеличила нелюдимость Потемкина. Коховский заподозрил Крейвен в неискренности, ведь «при изречении похвал чувствуется зло и зависть» [Там же, с. 252]. Тем не менее, он хорошо исполнил роль хозяина, ведь англичанка «положила твердое намерение окончить дни свои в здешней области и просить Светлейшего князя о даче ей земель» [Там же, с. 253].

Даже переезд из Херсона в Крым напоминал обряд перехода. Путь от цивилизации к варварству в буквальном смысле шел через пустоту: «я пересекла Перекопские равнины, где нет ничего, кроме массы грубой травы, выгорающей в определенное время года. Вся эта страна <...> называется Степью, а я бы назвала ее пустыней...» (р. 160–161 / 159). Справиться с непривычным окружением помогла английская ирония. Достигнув укреплений на Перекопском перешейке, отделяющем Крым от материка, путешественница заметила, что здешний ров «кажется, рассчитан более на то, чтобы там скапливался неприятель, чем для защиты» (р. 161/160).

Впрочем, и в северном Крыму степь никуда не исчезла — но зато появились селения и огромные стада скота. Хотя еще в Петербурге путешественница сменила европейский экипаж на азиатскую кибитку, в багаже которой она везла чайные принадлежности. Крейвен с удовольствием описывала, как пила чай на отдыхе (р. 163/161). Исследователи отмечали, что в этой поездке чайник для Крейвен был символом ее принадлежности к английской культуре, а следовательно, и к цивилизации [Вульф, с. 197]. Чайник появляется и в других произведениях Крейвен, очевидно, играя для автора важную символическую роль [O'Loughlin, p. 124]. Но если путешественница использовала образ чайника как показатель своего аристократизма, то ее соотечественники обыгрывали его совсем другим образом. Чайник стал основной частью карикатуры начала 80-х гг. XVIII в., высмеивавшей любвеобильность англичанки. На рисунке «чайник леди Крейвен» представлен как фигура мужчины, а носик имеет вид возбужденного фаллоса [O'Loughlin, p. 124–125].

Другим символом «английскости» было английское дамское (боковое) седло, которое Крейвен также возила с собой (р. 163/161). Во время поездки из Севастополя в Байдарскую долину карета не смогла проехать по горной дороге,

и англичанке предложили пересесть на верховую лошадь. Но «я не взяла с собой своего бокового седла. Я сказала <...>, что мне невозможно ездить по-мужски, и я не могу сидеть в казацких седлах, так что мы вернулись обратно в Севастополь» (р. 190 / 178, 179). Дамское седло подчеркивало не только цивилизованность, но и гендерную принадлежность путешественницы. Потому заменить его казацким было, конечно, невозможно. Пришлось переносить поездку на другой день и седлать дамским седлом казацкого конька. Англичанка не упускала возможности подчеркнуть, что она — прекрасная наездница. В другой раз генерал Михаил Васильевич Коховский дал ей для прогулки лошадь из своей конюшни, которая, правда, никогда не ходила под дамским седлом. Но это не смутило англичанку. «Старый командир казаков с величайшим восхищением наблюдал за тем, как я ездил верхом, а затем, когда, по возвращении домой, я соскочила с лошади, он поцеловал край моей нижней юбки и произнес на своем языке нечто, что я не поняла, но генерал пояснил, что тот сделал мне высший из возможных комплиментов, а именно что я достойна быть казачкой» (р. 170/165). Итак, представительница европейской цивилизации доказала свое превосходство над природой в лице лошади, над «Азией» в лице казаков и вообще над мужчинами.

Третьим символом были изящные перчатки Крейвен. По ее словам, татарских дам смущала эта деталь туалета. Потому путешественнице, оказавшейся в обществе татарок, приходилось снимать перчатки, чтобы показать: ее руки ничем не отличались от их. Так произошло в доме одной знатной дамы в Карасубазаре. «Поскольку мои перчатки, кажется, вызывали у нее большое неудобство, я их сняла, после чего она приблизилась, улыбнулась, взяла одну из моих рук в свои, и подмигивала, и кивала головой, как бы в знак похвалы, но ощупала мою руку до локтя, до середины плеча, подмигивая и кивая. Я начала интересоваться, когда же закончится это необычное исследование...» (р. 172/167, ср.: р. 182/174). Эта деталь подчеркивала культурное различие между двумя цивилизациями.

В сочинении Крейвен Крым напоминает природный рай, где живут простодушные, добрые и не особенно цивилизованные жители. Это впечатление возникло у нее сразу же после прибытия на полуостров. «На закате я приехала в татарское селение, состоявшее из домов или скорее хижин, разбросанных по кругу без всякой ограды. В разных местах на этих холмистых равнинах большие стада лошадей, коров и овец медленным шагом подходили к селению — создавая одновременно простой и величественный пейзаж, наполненный миром и изобилием, которым, вероятно, наслаждался свет в начале истории» (р. 162, 163 / 161).

Очевидно, держа в уме рассуждения о пасторальной природе и полуварварах-татарах, Крейвен писала: «Признаюсь, что хотела бы увидеть здесь колонию честных английских семейств, учреждающих мануфактуры и возвращающих продукцию этой страны в нашу; учреждающих честную и свободную торговлю из этих мест, и обучающих трудолюбию и честности вероломных, но угнетенных греков на их островах, пробуждая праздного турка из его позолоченного оцепенения, и приносящих честную Свободу на раздутых парусах по пути через

[Эгейский] Архипелаг и Средиземноморье на наш опасный (к счастью для нас опасный) берег». Разумеется, все это оправдывалось соображениями общего блага для всего человечества (р. 188, 189 / 177, 178). Эту идею она изложила в письме к Потемкину. «Я создам здесь колонию из моих добропорядочных и предприимчивых соотечественников <...> Признаюсь, князь, я мечтала бы иметь два поместья в разных местах Тавриды» [Себаг-Монтефиоре, с. 283–284]. Видимо, это тот план, о котором она говорила таврическому губернатору Коховскому. Нужно сказать, что он вполне соответствовал практике российского правительства и самого князя, которые раздавали земли, освободившиеся в результате эмиграции крымскотатарской знати, а также пытались восполнить убыль населения и запустить экономику при помощи привлечения переселенцев из внутренних губерний России и из-за рубежа [Дружинина, с. 117–132; Болотина, с. 92–100; Конкин]. Однако по каким-то причинам Потемкин не ответил на предложения Крейвен.

Себя саму Крейвен представила в образе аристократичной дамы, пользовавшейся неизменным успехом у окружающих. В Петербурге она получила аудиенцию у Екатерины II (р. 123/133, 306–308). Англичанку удивило, что лишь императрица и княгиня Екатерина Романовна Воронцова-Дашкова носили русское платье, все же остальные одевались на европейский манер (р. 125/134). Крейвен, конечно, жаждала экзотики и предпочла бы видеть петербуржцев в оригинальных нарядах. Сложно назвать это иначе, чем проявлением колониализма. Получила она и аудиенцию у супруги наследника престола — Марии Федоровны. Случившийся здесь Алексей Иванович Мусин-Пушкин сказал, что «не знает другой мысли о счастье, кроме как возвратиться в Англию частным лицом и купить там ферму» (р. 127/136). Достоверность этих слов проверить невозможно — но она должна была польстить чувству английского превосходства читателей и еще раз подчеркнуть недостаточную цивилизованность России.

По словам Крейвен, российские офицеры и чиновники всячески пытались ей угодить — губернатор Коховский показывал ей Крым, офицеры подарили ей несколько карт, а командир албанского (т. е. греческого) полка в Балаклаве устроил смотр своих солдат (р. 184, 185, 192, 193 / 163, 164, 180). Если Уортли-Монтегю путешествовала с мужем, то Крейвен всячески подчеркивала свою самостоятельность. По существу, она тщательно создавала образ первой англичанки, предпринявшей путешествие независимо от мужчин [Palma, p. 30]. Потому Вернон, вне зависимости от его роли в жизни Крейвен, не играл особой роли в ее записках.

Для путешествия по неведомым краям требовалась определенная смелость — и Крейвен подчеркивает это свое качество. Так, в Перекопе англичанка и ее спутники впервые увидели татар. Крейвен отправила одного из слуг за «пропуском» в татарскую деревню, и тот вернулся «бледный как смерть». Его «забавные страхи на протяжении всего путешествия немало развлекали меня», писала Крейвен (р. 161/160). Вольно или невольно Крейвен предвосхитила поступок Екатерины II, которая через год в Перекопе заменила свой

конвой на отряд крымских татар. Смелый поступок способствовал завоеванию доверия к императрице у ее новых подданных — но заставил понервничать ее спутников-европейцев [Сегюр, с. 208–209].

Крейвен подчеркивает стойкость, с которой она переносила тяготы пути в закрытом экипаже. После ночного переезда в Карасубазар (совр. Белогорск) сопровождавшие англичанку казаки решили было, что та умерла. А когда дама показалась из окна, то с испугу подняла такой крик, что перепугали окрестные стада и животных, запряженных в повозки, так что те едва не перевернули кибитку англичанки (р. 165 / 162, 163).

На страницах травелога Крейвен блистает не только храбростью, но и остроумием. Так, в Бахчисарае один русский острослов произнес каламбур (очевидно, по-английски или по-французски, ведь русского Крейвен не знала), в котором назвал знатного татарина «сливками Тартара». Это выражение («*cream of Tartar*», или «*crème de Tartare*») обыгрывало созвучие этнонима и преисподней античных мифов. Напуганные нашествием монголов в XIII в., европейцы стали называть татар *Tartars*, добавив в это слово лишнюю букву *r* для вящего сходства с «Тартаром». Крейвен, чтобы не обидеть знатного крымчанина, ловко обратила фразу в «*cream of the Tartars*», сравнив своего собеседника со сливками татарского общества, что тому пришлось по нраву (р. 178, п. * / 170, п. I).

Впрочем, англичанка невысоко оценила интеллектуальные способности своего нового знакомого. «Каймакан и двое других знатных татар отужинали с нами, и оказалось, на свете не найти того, что превзошло бы невежество и простоту этих людей. Каймакан — первый министр хана. Он совершенно ничего не смыслит в географии собственной страны, и говорит, что Англия и Петербург — одно и то же» (р. 179 / 171, 172). Географические знания маркировали человека цивилизованного. Неслучайно в другом месте Крейвен похвасталась, что собрала «несколько карт этой страны, прекрасно вычерченных и раскрашенных» (р. 189/178). Впоследствии она показала свою коллекцию карт австрийскому императору Иосифу II (р. 323 / 261). Крейвен вряд ли была шпионкой, поделившейся с императором добытыми сведениями, как полагает отечественная историография. XVIII век — это век географии [см.: Вульф, с. 226–294], и образованный европеец не мог не увлечься картами новых земель.

Крейвен дважды посещала знатных татарских дам. Англичанку изумляли пышные одежды собеседниц, их украшения и необычный макияж. Она отметила, что татаркам и турчанкам, в отличие от европейек, совершенно не свойственна женская зависть. Потому они могут сделать комплимент представительницам своего пола — роль, которая в Европе принадлежала мужчинам (р. 171–173 / 166, 167). Крейвен не понравился татарский обычай покрывать лицо обильными румянами, скрывавшими его подлинные черты (р. 182/174). Очень близки описания турецких дам, с которыми Крейвен позже познакомится в Стамбуле. Они в целом соответствуют европейским представлениям о восточных гаремах и замкнутом образе жизни мусульманок. Быть может, вспоминая собственный опыт конфликта со светским обществом, она сделала парадоксальный вывод,

что жизнь турчанок абсолютно счастлива. Но именно поэтому Крейвен на самом деле не воспринимала мусульманок как равных себе, а потому отказывала им в праве на интерес к внешнему миру и свободное существование — вроде того, что вела она сама [Palma, p. 32].

По словам Крейвен, татарские дамы «свои рубашки, как и рубашки мужчин, сделанные главным образом из шелка или шелка, смешанного с хлопком, переменяют редко; но то, что они очень часто ходят в баню, делает этот обычай менее противным, чем он был бы в других обстоятельствах» (p. 183/174). Она не раз обращала внимание на грязь, царившую на улицах, в домах мусульман, невзирая на их социальный статус, и даже на стенах мечетей (p. 162, 174, 181 / 160, 168, 173). Это замечание тем более важно, что речь шла об эпохе, когда чистоту стали считать одним из критериев, отделяющих цивилизацию от варварства [Мартин, с. 26, 72–73].

Как и многие другие путешественники, Крейвен не избежала искушения посмотреть на «танцы» дервишей, которые посчитала проявлением примитивности и фанатизма. «Представление такого рода вызывает у этих людей (т. е. татар. — Н. Х., Н. Г.) огромное почтение и уважение к тем, кто его исполняет. Я же вернулась домой сильно раздосадованной от этой нелепицы...» (p. 173, 174 / 173). Ей вовсе не пришло в голову то, что отметил француз Жильбер Ромм, бывший очевидцем этого зрелища. Дервишам «велено было собраться на молитву для удовлетворения любознательности именитой путешественницы. Дервиши повиновались, но как приняли они подобное приказание, с каким удовольствием выполняли его перед многочисленным обществом собак и неверных, один из которых приказывает им молиться богу и Магомету ради его забавы?» [Ромм с. 39]. Француз провел параллель между организованными на потеху англичанке (и, заметим, его воспитаннику — русскому графу Павлу Александровичу Строганову) смотром казачьего полка и плясками дервишей. Зная, что такое зависимость от власти вышестоящих, наемный гувернер Ромм куда острее чувствовал несправедливость, унижительность происходящего — тогда как благородной англичанке оно представлялось само собой разумеющимся.

Символом прошлого Крыма казался ханский дворец в Бахчисарае. В состав обширного комплекса входили постройки разного назначения. Крейвен, в частности, заметила «род купола, возбудившего мой интерес, и мне поведали, что этот памятник построен в память о жене-христианке, которую хан любил так нежно, что остался безутешен после ее смерти, и что он похоронил ее в том месте, чтобы сам мог довольствоваться видом постройки, где покоятся ее останки. Полагаю, этот татарский хан должен был иметь душу, достойную любви христианки» (p. 180/172). Англичанка описывает мавзолей (дюрбе) Диляры бикеч (1763/64 г. н. э.), имя которой известно из надписи. Никаких сведений о том, что это была за дама, в источниках не сохранилось [Ибрагимов, с. 175–176]. Это обстоятельство возбуждало фантазии европейцев. Записки Крейвен отразили начало формирования легенды. Впоследствии Диляру назвали не просто христианской возлюбленной хана, но дали ей имя Марии Потоцкой. Пушкин и Мицкевич

сделали эту версию общеизвестной. В легенду добавился один из фонтанов ханского дворца, надпись на котором была (неверно) прочитана в том смысле, что она якобы говорит о горе безутешного хана [Бронштейн].

Бахчисарай находится в узкой долине между горами. По словам Крейвен, «вершины этих скал имеют странный вид, в местах где, несомненно, проходили и привязывались огромные канаты. По этому поводу татары утверждают, что некогда их подножья достигало море, и к ним привязывали корабли» (р. 181, 182 / 173). Очевидно, британке рассказали местную легенду о том, что когда-то уровень Черного моря был много выше, и на месте Крыма находился архипелаг, образованный вершинами гор, поднимавшимися над волнами. Именно поэтому знаменитые и загадочные «пещерные города» находились на большой высоте. Европейские путешественники, в том числе куда более образованные, чем Крейвен, относились к этим историям с доверием [Храпунов, 2014, с. 81–82; 2017, с. 421–422].

В английской и вообще западноевропейской культуре XVII–XVIII вв. путешествие считалось важнейшим способом формирования личности, а публикация отчета о нем — делом достойным и желательным. Из таких отчетов публика узнавала об экзотических и малоизвестных краях. Но в отличие от большинства травелогов, главный герой записок Крейвен — вовсе не неведомые страны, а она сама. Экзотические люди и пейзажи — всего лишь сцена, на которой разворачиваются приключения бесстрашной дамы. Поэтому ее сочинение выделяется из ряда записок иностранцев о Крыме конца XVIII — начала XIX в. Если сравнить, например, с травелогом Ромма, который был в Крыму одновременно с Крейвен, то его сочинение несравненно более интересно как с точки зрения собранной информации, так и потому, что оно позволяет оценить интеллектуальную работу, проведенную французом, и разнообразие его научных интересов, интуицию, логику и здравый смысл. Зато запискам Крейвен свойственны определенные литературные достоинства, которых лишен дневник француза.

Пожалуй, ближе всего к травелогу Крейвен стоят письма знаменитого полководца, придворного и остролова принца Шарля-Жозефа де Линя, уроженца южных Нидерландов (совр. Бельгия), подданного австрийского императора, который ездил в Крым в 1787 г. в свите Екатерины II [Ligne, p. 51–83]. Как и в случае с Крейвен, письма де Линя адресованы его возлюбленной — маркизе Луизе де Куаньи. Они были значительно переработаны или даже полностью написаны в расчете на публикацию уже после возвращения из поездки [Dickinson, p. 17; n. 55]. В письмах де Линя Крым предстает местом фантастическим, где реальность не отличима от иллюзий, где оживают античные мифы и персонажи сказок «Тысячи и одной ночи» [Вульф, с. 204–218]. Литературная слава де Линя была так велика, что Пушкин писал «Бахчисарайский фонтан», ориентируясь не только на свои воспоминания, но и под влиянием сочинения бельгийца [Dickinson, p. 18]. Разумеется, гендерная роль Крейвен была совсем не той, что у де Линя. Зато де Линь, известный ловелас, не стеснялся упоминать в письмах для Куаньи прочих своих возлюбленных — точно так же, как

Крейвен, описывая свои приключения для маркграфа Ансбахского, не забывала о Верноне.

Публикация писем из поездки на Восток принесла Крейвен литературную славу. В 1791 г. скончались барон Крейвен и маркграфиня Ансбахская, и леди Элизабет смогла выйти замуж за маркграфа Бранденбургского. Ее супруг передал свои владения Пруссии в обмен на денежную ренту. Это оказалось весьма предусмотрительным ходом, учитывая, что в начавшихся вскоре Наполеоновских войнах и связанных с ними трансформациях политической карты Европы маркграфство Ансбах стало разменной монетой. Пара поселилась в Англии, где Крейвен смогла предаться театральным и литературным занятиям. После смерти мужа Крейвен перебралась в Неаполь, где и провела остаток жизни. И хотя скандальная слава преследовала ее до последних дней, она, в отличие от большинства соотечественниц, добилась свободы, независимости и славы литератора и покровителя искусств. Вероятно, тщеславию леди Крейвен польстило бы то обстоятельство, что до сих пор ее считают образцом дамы, изменившей представления о роли женщины в британском обществе.

Источники

Калашиников В. М. Британский взгляд на Крым (хроники, мемуары, дневники XVII — первой четверти XIX столетия). Днепропетровск : [б. и.], 2013.

[Коховский В. В.] Письма правителя Таврической области В. В. Коховского правителю канцелярии В. С. Попову для доклада Е. С. князю Г. А. Потемкину-Таврическому // Зап. Одес. о-ва ист. и древностей. 1877. Т. 10. С. 235–361.

[Крейвен Э.] Путешествие в Крым и Константинополь в 1786 году милади Кравен / пер. с фр. Д. Рунич. М. : Унив. тип., у Ридигера и Клаудия, 1795.

[Сегюр Л.-Ф. де]. Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785–1789). СПб. : [б. и.], 1865.

Тунманн [И.-Э.]. Крымское ханство / пер. с нем. Н. Л. Эрнст, С. Л. Белявская. Симферополь : Таврия, 1991.

[Craven E.] A Journey through the Crimea to Constantinople in a Series of Letters... London : G. G. J. and J. Robinson, 1789.

[Craven E.] Letters from the Right Honorable Lady Craven, to His Serene Highness the Margrave of Anspach, during Her Travels through France, Germany, and Russia in 1785 and 1786. 2nd ed. London : A. J. Valpy, 1814.

[Craven E.] The Beautiful Lady Craven: The Original Memoirs of Elizabeth Baroness Craven afterwards Margravine of Anspach and Bayreuth and Princess Berkeley of the Holy Roman Empire (1750–1828) / ed. A. M. Broadley, L. Melville. Vol. I. London : John Lane the Bodley Head ; New York : John Lane Company ; Toronto : Bell & Cockburn, 1914.

[Ligne C.-J. de]. Lettres et pensées du maréchal prince de Ligne. 2nd éd. Paris ; Genève : J. J. Pachoud, 1809.

Исследования

Болотина Н. Ю. Деятельность Г. А. Потемкина (1739–1791 гг.) в области внутренней политики России. М. : Изд-во РАГС, 2010.

Бронштейн А. И. Трансформация легенды Фонтана слез // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 1. Симферополь : Таврия, 1997. С. 475–486.

Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / пер. с англ. И. Федюкин. М. : Новое лит. обозрение, 2003.

Деремедведь Е. Н. Крымская Ривьера. Авантюрные приключения англичанок в Тавриде. Симферополь : СОНАТ, 2008.

Дружинина Е. И. Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. М. : Изд-во АН СССР, 1959.

Елисеева О. И. Граница России — Черное море. Геополитические проекты Григория Потемкина. М. : Эксмо : Яуза, 2017.

Ибрагимова А. М. Бахчисарайский ханский дворец XVI–XVIII вв. Киев : Олег Філюк, 2015.

Колупаев Д. В. Путешествие леди Кревен. Из истории международного шпионажа в Крыму // Изв. Крым. респ. краевед. музея. 1994. № 6. С. 80–82.

Конкин Д. В. Переселенческая политика и хозяйственные проекты в Крыму // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825 / [под ред. Н. И. Храпунова, Д. В. Конкина]. Севастополь : Альбатрос, 2017. С. 231–243.

Мартин А. Просвещенный метрополис. Созидание имперской Москвы, 1762–1855 / пер. с англ. А. Эдельман. М. : НЛО, 2015.

Медведева И. Н. Таврида. Л. : Лениздат, 1956.

Нойманн И. Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей / пер. с англ. В. Литвинов, И. Пильщиков. М. : Новое изд-во, 2004.

Ромм Ж. Путешествие в Крым в 1786 г. / пер. с фр. К. И. Раткевич. Л. : Изд-во ЛГУ, 1941.

Рыбакин А. И. Словарь английских фамилий : ок. 22 700 фамилий. М. : Рус. яз., 1986.

Себаг-Монтефиоре С. Потемкин. М. : Вагриус, 2003.

Храпунов Н. И. Записки Жильбера Ромма о Крыме: археологический комментарий // Французский ежегодник 2014. Т. 2 : Франция и Восток. М. : ИВИ РАН, 2014. С. 63–101.

Храпунов Н. И. Мангупское городище в трудах путешественников конца XVIII — начала XIX в.: исследования и иллюзии // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2017. Вып. 22. С. 299–305.

Храпунов Н. И. Известия о Крыме и о Крымском Ханстве, собранные Уильямом Туком в 1785 г. // Золотоордынское обозрение. 2018 (в печати).

Broadley A. M., Melville L. Editors' Note // [Craven E.] The Beautiful Lady Craven: The Original Memoirs of Elizabeth Baroness Craven afterwards Margravine of Anspach and Bayreuth and Princess Berkeley of the Holy Roman Empire (1750–1828). Vol. 1. London : John Lane the Bodley Head ; New York : John Lane Company ; Toronto : Bell & Cockburn, 1914. P. IX–XLIII.

Cross A. G. By the Banks of the Neva: Chapters from the Lives and Careers of the British in Eighteenth-Century Russia. Cambridge ; New York ; Melbourne : Cambridge Univ. Press, 1997.

Dickinson S. Russia's First "Orient": Characterizing the Crimea in 1787 // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2002. Vol. 3. No. 1. P. 3–25.

Eisner R. Travelers to an Antique Land: The History and Literature of Travel to Greece. Ann Arbor : The Univ. of Michigan Press, 1993.

Gasper J. Elizabeth Craven: Writer, Feminist and European. Wilmington : Vernon Press, 2017.

O'Loughlin K. "Strolling Roxanas": Sexual Transgression and Social Satire in the Eighteenth Century // Emotion and Sociabilities in Britain, 1650–1850 / ed. by S. Broomhall. Abingdon : Routledge, 2015. P. 112–136.

Palma H. Elizabeth Craven: From London to Constantinople, from Escape to Emancipation // Imaginaires. 2017. No. 21 : Féminisme et Orientalisme. P. 21–39.

[Review] A Journey into the Crimea... // The Gentleman's Magazine and Historical Chronicle. 1789. Vol. 59. Pt. 1 (March). P. 237–239.

Turner K. S. H. From Classical to Imperial: Changing Visions of Turkey in the Eighteenth Century // Travel Writing and Empire: Postcolonial Theory in Transit / ed. by S. H. Clark. London ; New York : Zed Books, 1999. P. 113–128.

References

- Bolotina, N. Ju. (2010). *Dejatel'nost' G. A. Potemkina (1739–1791 gg.) v oblasti vnutrennej politiki Rossii* [G. A. Potemkin's (1739–1791) Activity in Russia's Home Policy]. Moscow: RAGS publ. (In Russian)
- Broadley, A. M., & Melville, L. (1914). Editors' Note. In [E. Craven], *The Beautiful Lady Craven: The Original Memoirs of Elizabeth Baroness Craven afterwards Margravine of Anspach and Bayreuth and Princess Berkeley of the Holy Roman Empire (1750–1828)* (Vol. I, pp. IX–XLIII). London: John Lane the Bodley Head; New York: John Lane Company; Toronto: Bell & Cockburn.
- Bronstein, A. I. (1997). Transformacija legendy Fontana sljoz [The Transformation of the Legend of the Fountain of Tears]. *Bahchisarajskij istoriko-arheologicheskij sbornik*, 1, 475–486. (In Russian)
- Cross, A. G. (1997). *By the Banks of the Neva: Chapters from the Lives and Careers of the British in Eighteenth-Century Russia*. Cambridge; New York; Melbourne: Cambridge University Press.
- Deremedved, E. N. (2008). *Krymskaja Riv'era. Avantjurnye prikljuchenija anglichanok v Tavride* [The Crimean Riviera: Adventures of British Ladies in Taurida]. Simferopol: SONAT. (In Russian)
- Dickinson, S. (2002). Russia's First "Orient": Characterizing the Crimea in 1787. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 3/1, 3–25.
- Druzhinina, E. I. (1959). *Severnoe Prichernomor'e v 1775–1800 gg.* [The Northern Black Sea Region in 1775–1800]. Moscow: AN SSSR publ. (In Russian)
- Eisner, R. (1993). *Travelers to an Antique Land: The History and Literature of Travel to Greece*. Ann Arbor: The University of Michigan Press.
- Eliseeva, O. I. (2017). *Granica Rossii — Chernoe more. Geopoliticheskie proekty Grigorija Potemkina* [The Border of Russia is the Black Sea: Grigory Potemkin's Geopolitical Projects]. Moscow: Eksmo; Yauza. (In Russian)
- Gasper, J. (2017). *Elizabeth Craven: Writer, Feminist and European*. Wilmington: Vernon Press.
- Ibragimova, A. M. (2015). *Bahchisarajskij hanskij dvorec XVI–XVIII vv.* [Bakhchisaray Khan's Palace between the 16th and 18th Centuries]. Kiev: Oleg Filjuk. (In Russian)
- Khrapunov, N. I. (2014). Zapiski Zhil'bera Romma o Kryme: arheologicheskij kommentarij [Gilbert Romme's Account of Crimea: An Archaeological Commentary]. *Frantsuzskii ezhegodnik*, 2, 63–101.
- Khrapunov, N. I. (2017). Mangupskoe gorodishhe v trudah putesthestvennikov konca XVIII — nachala XIX v.: issledovanija i illjuzii [The Ancient City of Mangup in Travelogues from the Late 18th and Early 19th Centuries: Studies and Illusions]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 22, 299–305. (In Russian)
- Khrapunov, N. I. (2018, in press). Izvestija o Kryme i o Krymskom Hanstve, sobrannye Uil'jamom Tukom v 1785 g. [An Account of Crimea and the Crimean Khanate Collected by William Tooke in 1785]. *Zolotoordynskoe obozrenie*. (In Russian)
- Kolupaev, D. V. (1994). Putesthestvie ledi Kreven. Iz istorii mezhdunarodnogo shpionazha v Krymu [Lady Craven's Travel: From the History of International Espionage in Crimea]. *Izvestija Krymskogo respublikanskogo kraevedcheskogo muzeja*, 6, 80–82. (In Russian)
- Konkin, D. V. (2017). Pereselencheskaja politika i hozjajstvennye proekty v Krymu [Migration Policy and Economic Projects in Crimea]. In [N. I. Khrapunov, & D. V. Konkin (Eds.)], *Problemy integracii Kryma v sostav Rossii, 1783–1825* [Problems of Crimea's Integration into Russia] (pp. 231–243). Sevastopol: Al'batros. (In Russian)
- Martin, A. (2015). *Prosveshhennyj metropolis. Sozidanie imperskoj Moskvy, 1762–1855* [An Enlightened Metropolis: The Construction of Imperial Moscow, 1762–1855]. Moscow: NLO. (In Russian)
- Medvedeva, I. N. (1956). *Tavrida* [Taurida]. Leningrad: Lenizdat. (In Russian)
- Neumann, I. (2004). *Ispol'zovanie "Drugogo": obrazy Vostoka v formirovanii evropejskikh identichnostej* [The Use of the "Other": Images of the East in the Formation of European Identities]. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russian)

O'Loughlin, K. (2015). "Strolling Roxanas": Sexual Transgression and Social Satire in the Eighteenth Century. In S. Broomhall (Ed.), *Emotion and Sociabilities in Britain, 1650–1850* (pp. 112–136). Abingdon: Routledge.

Palma, H. (2017). Elizabeth Craven: From London to Constantinople, from Escape to Emancipation. *Imaginaires*, 21: Féminisme et Orientalisme, 21–39.

[Review] (1789, March). A Journey into the Crimea... *The Gentleman's Magazine and Historical Chronicle*, LIX/I, 237–239.

Rybakin, A. I. (1986). *Slovar' anglijskih familij: okolo 22700 familij* [A Dictionary of English Surnames: about 22700 Surnames]. Moscow: Russkij jazyk. (In Russian)

Sebag Montefiore, S. (2003). *Potemkin*. Moscow: Vagrius. (In Russian)

Turner, K. S. H. (1999). From Classical to Imperial: Changing Visions of Turkey in the Eighteenth Century. In S. H. Clark (Ed.), *Travel Writing and Empire: Postcolonial Theory in Transit* (pp. 113–128). London; New York: Zed Books.

Wolff, L. (2003). *Izobretaja Vostochnuju Evropu: karta civilizacii v soznanii jepohi Prosveshhenija* [Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization in the Mind of the Enlightenment] (I. Fedyukin, Trans.). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

Храпунов Никита Игоревич

кандидат исторических наук, ведущий
научный сотрудник
Научно-исследовательский центр истории
и археологии Крыма
Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского
295007, Республика Крым, Симферополь,
пр. Вернадского, 4
E-mail: khrapunovn@gmail.com

Гинкут Наталия Виталиевна

ученый секретарь
Государственный историко-
археологический музей-заповедник
«Херсонес Таврический»
299045, Севастополь, ул. Древняя, 1
E-mail: n-ginkut@yandex.ru

Khrapunov, Nikita Igorevich

PhD (History), Leading Researcher
History and Archaeology of the Crimea
Research Centre
V. I. Vernadsky Crimean Federal University
4, Vernadsky Ave.,
295007 Simferopol, Republic of Crimea, Russia
Email: khrapunovn@gmail.com

Ginkut, Natalia Vitalievna

Academic Secretary
State Historical and Archaeological Museum
Preserve of Tauric Chersonese
1, Drevnyaya Str., 299045 Sevastopol, Russia
Email: n-ginkut@yandex.ru